

АКСТИНИЯ А

Итальянские Клань

Акстиния А

Апгрейд Греха Борджиа

«Автор»

2026

А А.

Апгрейд Греха Борджиа / А. А — «Автор»,
2026 — (Итальянские Клань)

В XV веке они травили врагов ядом. В 2026-м семья Борджиа предпочитает алгоритмы, ESG-рейтинги и нейро-косметику. Добро пожаловать в VaticaCorp — империю, где грех прошел успешный ребрендинг. Родриго захватывает Глобальный Синдикат смарт-контрактами. Чезаре обрушивает хедж-фонды и кормит аудиторов SEC псilocибинами. Лукреция продает дофамин в баночках детокс-чаев и взламывает Мет Галу через подол платья. А младший сын тратит \$40 млн на NFT-обезьян, превращая скам в благотворительность. Они циничны, безжалостны и носят водолазки Loro Piana. В мире, где мораль — это плохо оптимизированный алгоритм, Борджиа — единственная честная семья. Они не притворяются, что спасают мир. Они просто хотят им владеть. Дебет всегда должен сходиться с кредитом. Иначе мы пришлем за вами аудитора.

Содержание

Глава 1. Искусство сделки (или Как купить душу оптом и в розницу)	5
POV: Родриго	
Глава 2. Тендер на душу (или Почему черные водолазки — это новая кольчуга) POV: Чезаре	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Апгрейд Греха Борджиа

Глава 1. Искусство сделки (или Как купить душу оптом и в розницу) POV: Родриго

Воздух в закрытом VIP-зале аукционного дома Christie's в Монако пах страхом, нишевым парфюмом *Tom Ford Oud Woodi* деньгами, которых физически не существует.

Я сделал глоток эспresso. Зерна были собраны на склонах какого-то вулкана в Коста-Рике девственницами, которые пели кофейным кустам песни на местном диалекте. Чашка этого напитка стоила столько же, сколько подержанный седан, но зато мой уровень кортизола оставался в идеальных пределах, а пресекающие попытки организма состариться стволовые клетки, введенные мне утром в швейцарской клинике, одобрительно пульсировали в венах.

Мне шестьдесят два. Я выгляжу на сорок пять, чувствую себя на тридцать и веду себя как восемнадцатилетний мажор, которому только что выдали безлимитную кредитку Вселенной.

Я поправил манжету своей рубашки из египетского хлопка. Ткань была такой тонкой, что казалось, будто я одет в сотканный из лунного света туман. Мой смарт-часы, замаскированный под классические *Patek Philippe*, тихо вибрировали, сообщая, что моя медитация «Осознанность хищника» прошла успешно и моя аура теперь имеет оттенок дорогого шампанского. Отлично. Для того, что я собирался сделать сегодня вечером, аура хищника подходила как нельзя лучше.

На подиуме в центре зала, под слепящим светом софитов, стоял лот №47.

Картина Караваджо «Отречение святого Петра». Шедевр эпохи барокко. Мрачный, драматичный, пропитанный чувством вины и предательства. Искусствоведы всего мира сходили по ней с ума, писали диссертации о свето-теновом контрасте и скрытых смыслах.

Какие же они все идиоты.

Мне было плевать на Караваджо. Мне было плевать на святого Петра, который на полотне выглядел так, будто только что осознал, что его криптокошелек взломали. Мой интерес представлял не холст, а массивная, потемневшая от времени деревянная рама. Точнее, микроскопический зазор в ее нижнем левом углу, где был спрятан зашифрованный твердотельный накопитель объемом в четыре терабайта.

На этом диске хранилась не история искусства. Там хранилась история падений.

Финансовые махинации, офшорные схемы, взятки европейским регуляторам и, что самое пикантное, видеозаписи с закрытых вечеринок в одном шале в Гштаде, где главный конкурент моей корпорации *VaticaCorp*, Джулиано делла Ровере, развлекался с очень дорогими и очень несовершеннолетними моделями из Восточной Европы.

Джулиано сидел в третьем ряду от меня. Он выглядел так, будто его пиджак от *Brioni* был сшит из свинца. Он потел. Я видел, как капелька пота скатилась по его виску, угрожая испортить идеальный загар, приобретенный в солярии его личной яхты. Он пытался выглядеть расслабленным, нервно покручивая в пальцах золотую ручку *Montblanc*.

— Бедный Джулиано, — тихо пробормотал я, обращаясь к своему помощнику, Микелотто, который стоял за моим креслом, сливаясь с обоями. Микелотто был главой службы безопасности *VaticaCorp*. У него было настолько незапоминающееся лицо, что его можно было использовать в качестве дефолтного аватара в Zoom. — Он думает, что покупает страховку. А на самом деле он покупает себе надгробие.

— Ставка поднята до двенадцати миллионов евро, сэр, — бесстрастно отозвался Микелотто. Голос у него был такой же невыразительный, как и лицо. Идеальный сотрудник.

Аукционист, сухой британец с интонациями робота-убийцы из фантастических фильмов пятидесятых, монотонно отсчитывал цифры. В зале царила та специфическая тишина, которая бывает только в комнатах, где решаются судьбы государств, а люди дышат через раз, чтобы не спугнуть удачу.

Я откинулся на спинку кресла, обитого кожей альбиноса, и позволил себе улыбнуться.

В пятнадцатом веке мой предок, Родриго Борджиа, ставший Папой Александром VI, покупал кардиналов мулами, нагруженными золотом, и обещаниями епархий. Ему приходилось иметь дело с сифилисом, чумой, французскими вторжениями и постоянным риском быть отравленным собственным дегустатором вин.

Сегодняшние «кардиналы» носили худи из кашемира, инвестировали в стартапы по продлению жизни и боялись только одного — отмены в Twitter и падения индекса NASDAQ.

Мир изменился. Технологии шагнули вперед. Но человеческая природа? О, она осталась восхитительно, неизменно грязной.

В эпоху Возрождения церковь продавала индульгенции. Согрешил? Заплати золотом, и твоя душа чиста. Сегодня церковь — это корпорации, а индульгенции — это ESG-рейтинги (Environmental, Social, and Governance).

Моя *VaticaCorp* была крупнейшим провайдером этих самых рейтингов. Загадили реку токсичными отходами? Не беда, купите у нас углеродные квоты на посадку деревьев в Амазонии (которые мы, кстати, сами же и контролируем), и ваш экологический рейтинг снова «ААА». Ищете детский труд на кобальтовых шахтах? Спонсируйте наш парад разнообразия и инклюзивности, повесьте соответствующий флаг на свой небоскреб, и ваш социальный рейтинг взлетит до небес.

Грех никуда не исчез. Он просто прошел ребрендинг, обзавелся отличным PR-отделом и стал масштабируемым. Я любил этот мир. Он был циничным, логичным и невероятно прибыльным.

— Четырнадцать миллионов, — сухо произнес аукционист, кивая в сторону Джулиано.

Джулиано поднял табличку. Его рука дрожала. Он знал, что я здесь. Он знал, зачем я здесь. Это была не просто покупка картины. Это была дуэль.

Я посмотрел на него. Наши взгляды встретились. В его глазах я увидел панику человека, который понимает, что его яхта вот-вот пойдет ко дну, а спасательная шлюпка оказалась надутым матрасом с единокором.

— Пятнадцать, — легко бросил я, даже не поднимая табличку. Аукционист знал меня. Здесь все знали меня.

В зале послышался тихий шепот. Для этих людей пятнадцать миллионов за картину были не деньгами, а фишками в казино. Но сам факт того, что Родриго Борджиа вступил в торги, превращал лот в реликвию.

Я достал из кармана телефон и открыл приложение, которое отслеживало котировки акций *Urbino Group* — холдинга Джулиано. Красные свечи на графике уже начали предательски ползти вниз. Слухи о том, что у Джулиано проблемы, просочились на рынки еще вчера. Мои аналитики постарались.

— Шестнадцать миллионов, — хрипло выдавил Джулиано. Он пошел ва-банк. Это были его личные деньги, не деньги фонда. Он ставил на кон свое состояние, чтобы спасти свою репутацию и, возможно, свободу.

Я усмехнулся. Мораль — это просто плохо оптимизированный алгоритм. Если ты бедный, ты преступник. Если ты миллиардер, ты «эксцентричный инвестор с нестандартным подходом к управлению рисками». Джулиано был миллиардером, но он был слабым. А слабых этот мир пережевывает и выплевывает в виде аналитических отчетов для акционеров.

Я наклонился к Микелотто. — Как там наш друг из прокуратуры Рима? — тихо спросил я, не отрывая взгляда от сцены. — Прокурор Сальвини получил посылку, синьор, — так же

тихо ответил Микелотто. — В ней был флеш-накопитель в форме золотого слитка и бутылка его любимого бароло урожая того года, когда он еще брал взятки наличными, а не криптовалютой. Он понял намек. Дело о незаконном строительстве вашего отеля в Милане закрыто «за отсутствием состава». — Превосходно. Отправь ему корзину органических фруктов. Пусть знает, что мы ценим его приверженность здоровому образу жизни и закону.

Я снова перевел взгляд на аукциониста. — Двадцать миллионов, — сказал я. Голос прозвучал не громко, но он разрезал тишину зала, как лазерный скальпель.

Джулиано побледнел. Его кадык дернулся. Он посмотрел на свою табличку, потом на меня, потом на потолок, словно ища там божественного вмешательства или хотя бы ангела-инвестора. Но на потолке была только лепнина и скрытые камеры наблюдения.

— Двадцать миллионов евро. Есть ли желающие? Двадцать миллионов... — аукционист начал свою финальную мантру. — Двадцать... Двадцать один...

Удар деревянного молотка прозвучал как выстрел.

— Продано джентльмену в первом ряду, — объявил британец.

Зал разразился вежливыми, сдержанными аплодисментами. Люди хлопали не картине. Они хлопали моей победе. В этом закрытом клубе сверхбогатых искусство было лишь предлогом, а настоящая выставка — это демонстрация того, у кого длиннее... портфель активов.

Я встал, застегивая пиджак. Ткань из шерсти викуны, мягкая, как обещание политика перед выборами, идеально легла по плечам. Я направился к выходу, игнорируя взгляды зависти, уважения и животного страха.

Джулиано не вышел из зала. Он остался сидеть, уткнувшись лицом в ладони. Мне было почти жаль его. Почти. Но бизнес есть бизнес. Если ты не ешь, значит, едят тебя. А я всегда предпочитал быть за столом с ножом и вилкой, а не на серебряном блюде с яблоком во рту.

Через десять минут мы с Микелотто стояли на уединенной террасе, выходящей на гавань Монако. Внизу, словно дорогие игрушки, покачивались на волнах суперяхты. Самая большая из них, «Lady V», принадлежала мне. На ее борту сейчас проходила закрытая вечеринка для топ-менеджеров *VaticaCorp*, но я предпочел сначала завершить дела.

Микелотто протянул мне плоскую деревянную шкатулку. — Картина отправлена в ваш женеvский склад, синьор. Рама... обработана.

Я открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал черный, матовый твердотельный накопитель. Он был теплым. Или это мне просто казалось от предвкушения. Я провел пальцем по его гладкой поверхности. Четыре терабайта чужих грехов. Четыре терабайта абсолютной власти.

— Что мы будем с этим делать, Родриго? — спросил Микелотто, нарушая субординацию. Он редко называл меня по имени, только когда речь шла о чем-то действительно серьезном.

Я достал из портсигара тонкую кубинскую сигару. Микелотто тут же щелкнул зажигалкой *S.T. Dupont*. Огонек осветил мое лицо в отражении стеклянной двери. Ни одной морщины. Только легкая, хищная усмешка.

— Мы не будем ничего с этим *делать*, Мики, — выдохнул я клуб ароматного дыма, который стоил дороже, чем месячная аренда квартиры в центре Рима. — Мы будем это *инвестировать*.

Я подошел к парапету, облакаясь на прохладный мрамор. — Видишь ли, в чем проблема Джулиано? Он думает мелко. Он думает, что если спрячет свои грязные делишки, то сможет и дальше играть в песочнице. Но песочница заканчивается.

Я сделал еще одну затяжку. — «Глобальный Синдикат». Семь семей, которые контролируют семьдесят процентов мировых потоков капитала, данных и дофамина. Старый председатель, сэр Алистэр, умирает. Его печень отказала, а его врачи, к сожалению для него, оказались на моем прикорме. Место освобождается.

Микелотто нахмурился. — Синдикат не любит скандалов, Родриго. Они предпочитают тишину. Если мы начнем шантажировать Джулиано, чтобы занять его кресло... это привлечет внимание. — Шантаж? — я рассмеялся. Звук получился низким, бархатистым, идеально подходящим для озвучки трейлеров к триллерам. — Мики, ты мыслишь категориями двадцатого века. Шантаж — это вульгарно. Шантаж — это когда ты требуешь деньги в обмен на молчание. Мы не будем требовать деньги. Мы предложим Джулиано *спасение*.

Я повернулся к нему, и мои глаза, вероятно, сверкнули в полумраке. — Мы придем к нему не как враги. Мы придем как партнеры. Мы скажем: «Джулиано, дорогой, мы знаем о твоих маленьких шалостях в Гштаде. Это ужасно. Это может разрушить твою семью, твой бизнес, твою жизнь. Но мы — *VaticaCorp*. Мы верим в реабилитацию. Мы верим во второй шанс».

Я щелкнул пальцами, выбивая пепел за борт, в темные воды Средиземного моря. — Мы выкупим его долю в «Синдикате» за символический один евро. Взамен мы предоставим ему кризис-менеджеров, которые отмоют его репутацию. Мы запустим кампанию о том, как он борется с зависимостью и проходит терапию. Общество обожает истории исцеления. Его акции вырастут на пятнадцать процентов, он сохранит лицо, а я... я получу его голос и его кресло в Синдикате.

Микелотто медленно кивнул. На его невыразительном лице появилась тень чего-то, что можно было бы принять за восхищение, если бы он вообще был способен на эмоции. — А если он откажется? — Он не откажется, — спокойно ответил я. — Потому что за час до нашей встречи с ним, его жена получит анонимное сообщение с координатами виллы его любовницы и скриншотами переводов на ее счета. Эмоциональный ущерб делает финансовое разорение таким... кинематографичным. Когда у тебя рушится брак, ты гораздо охотнее отдаешь бизнес, чтобы просто перестать чувствовать боль.

Я допил свой остывший эспрессо, который Микелотто предусмотрительно принес с собой в термосе. — Подготовь команду, Мики. Завтра утром мы летим в Лондон. Мне нужно встретиться с Орсини. Если мы хотим взять Синдикат, нам нужно убедиться, что итальянские волки не укусят нас за пятки, пока мы смотрим на британских львов.

— Орсини опасны, Родриго. У них свои люди в Интерполе и свои хакеры в ФСБ. — Орсини — это динозавры, — отмахнулся я. — Они до сих пор верят, что власть — это пистолеты и бетонные ботинки. Они не понимают, что сегодня власть — это алгоритмы, которые решают, какую новость увидит пользователь, и какую кредитную ставку ему одобрят. Мы не будем с ними воевать, Мики. Мы просто купим платформу, на которой они играют, и изменим правила так, что они сами загонят себя в угол.

Я посмотрел на огни Монако. Этот город был памятником человеческой жадности, азарту и иллюзии контроля. Идеальное место для старта.

Мой предок Александр VI отравлял врагов кантареллой — ядом, который вызывал мучительную смерть, имитирующую малярию. Элегантно, но грязно. Мой яд был другим. Моим ядом были процентные ставки, алгоритмы рекомендаций и отмена кредитных линий. От моего яда не было антидота, потому что никто даже не понимал, что его отравили, пока его компания не объявляла о банкротстве.

— Знаешь, Мики, — задумчиво сказал я, наблюдая, как суперяхта какого-то российского олигарха медленно выходит из гавани. — Иногда мне кажется, что мы, Борджиа, единственные по-настоящему честные люди в этом мире. — В каком смысле, синьор? — Все остальные притворяются, что хотят спасти мир. Экологи, политики, техномиллиардеры с их полетами на Марс. Они лгут себе и другим. А мы? Мы просто хотим владеть всем. Это так честно. Это так... чисто.

Микелотто промолчал. Он знал, что риторические вопросы босса не требуют ответов.

Я бросил окуроч сгарты в море. Маленькая красная искра полетела вниз и погасла в черной воде. — Пойдем, Мики. На «Lady V» подают устриц, а мой личный шеф-повар приготовил ризотто с белым трюфелем. И, кстати, проверь, чтобы на вечеринке не было никого из семьи Колонна. У меня нет настроения смотреть на их унылые лица после того, как мы на прошлой неделе обрушили их сеть отелей в Азии.

— Будет сделано, Родриго.

Мы направились к лифту, который должен был спустить нас к причалу. Я шел по коридору, выстланному дорогим ковром, и чувствовал, как внутри меня разрастается приятное, теплое чувство. Это было не чувство вины. Это не была гордыня.

Это было чувство абсолютного, безграничного контроля.

Мир был огромной шахматной доской, и все остальные играли шашками. Я только что купил завод, который производит эти шашки.

Двери лифта закрылись, отрезая меня от шума вечеринки и шепота проигравших. Я достал свой телефон и открыл защищенное приложение. На экране появилось сообщение от моей дочери, Лукреции.

«Пап, Джованни снова ноет, что его стартап по доставке фермерских овощей не получает раунд Б. Я сказала ему, что ты занят покупкой души дьявола. Он спросил, можно ли это монетизировать через NFT. Он такой милый, когда тупит. Целую, твоя Лулу»

Я усмехнулся и набрал ответ: *«Скажи ему, что дьявол не принимает криптовалюту. И добавь ему в утренний смузи слабительное. Пусть пропустит завтрашнее голосование акционеров. Папе нужны его голоса для совета директоров. Люблю тебя, детка».*

Я нажал «Отправить».

Семья. Это единственное, что по-настоящему имеет значение. А все остальное — это просто способ защитить семью от скуки.

Лифт мягко дернулся, начиная спуск. Впереди была долгая ночь, отличная еда и планирование захвата мира. И, черт возьми, я был голоден.

Глава 2. Тендер на душу (или Почему черные водолазки — это новая кольчуга) POV: Чезаре

Утро начинается не с кофе. Утро начинается с падения чужих акций.

Мой смарт-браслет *Oura Ring* мягко вибрирует на запястье ровно в 5:43 утра. Никаких назойливых мелодий, никаких кричащих будильников. Браслет знает, что я нахожусь в фазе быстрого сна, и аккуратно выдергивает меня из сновидения, в котором я тонул в океане из неликвидных крипто-активов.

Я открываю глаза. Потолок моей спальни — это огромный экран, который сейчас транслирует идеальное, математически выверенное небо над Тосканой на рассвете. Воздух в комнате очищен через HEPA-фильтры медицинского класса и слегка ароматизирован нотами кедра и озона. Пахнет стерильностью. Пахнет контролем.

Я сбрасываю с себя одеяло из невесомого кашемира и босыми ногами ступаю на подогреваемый мрамор.

Мой пентхаус в Риме — это не дом. Это бункер, замаскированный под архитектурный дайджест. Никаких лишних деталей, никаких пылесборников, никаких фотографий в рамках. Только стекло, бетон, дерево венге и скрытые панели. Здесь не за что зацепиться взглядом, и, что важнее, здесь негде спрятать жуток.

Я иду на кухню. В центре острова, как алтарь, стоит она. Кофемашина *Slayer Espresso Custom*, собранная вручную одним швейцарским часовщиком, который, по слухам, сошел с ума в процессе калибровки давления помпы. Она стоила пятнадцать тысяч евро, и это была моя лучшая инвестиция за год.

Я засыпаю в холдер зерна геши, собранные на высоте две тысячи метров. Нажимаю кнопку. Машина издает низкий, утробный гул, похожий на мурлыканье сытого леопарда, и начинает экстракцию. Аромат плотный, шоколадно-цветочный, с легкой кислинкой.

Пока кофе варится, я беру свой защищенный планшет. Экран загорается, и на нем, словно пульс, начинают появляться уведомления.

«Акции *Urbino Group*: -2.4%». Это папа вчера вечером дожал Джулиано делла Ровере. «Хэштег *#ЛулуСвятая* в трендах *TikTok*: 1 место». Это сестра успешно запустила линейку детокс-чаев. «Серверы *Orsini Capital*: уязвимость найдена». А это мой завтрак.

Я делаю глоток кофе. Идеально. Горький, как моя душа, и горячий, как ад, в который я, вероятно, отправлюсь, если католическая церковь решит обновить свой прайс-лист на индугенции.

В пятнадцатом веке мой тезка, Чезаре Борджиа, герцог Валентино, решал проблемы с конкурентами просто. Он приглашал их на ужин, подсыпал в вино кантареллу и смотрел, как они корчатся в агонии, пока его наемники зачищают их замки. Грубо. Кроваво. Неэстетично. И, что самое ужасное, — совершенно не масштабируемо. Сколько людей можно отравить за день? Три? Пять? После десятого трупа ты уже просто устаешь вытирать кровь с персидских ковров и придумывать легенды про внезапную чуму.

Сегодняшние «убийства» — это высокое искусство. Это цифровая хирургия.

Я открываю приложение, которое не имеет названия, только иконку в виде черного круга. Это мой пульт управления реальностью.

Семейство Орсини. Старые деньги, старые связи, старые методы. Они до сих пор думают, что рейдерский захват — это когда к тебе в офис приходят крепкие парни в кожаных куртках и кладут на стол бейсбольную биты. Какие же они милые ретрограды.

Лоренцо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.